

УДК 93/94:172.3

**К ВОПРОСУ О ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. (на примере Сибири)
С. П. Батури́н, Т. В. Бату́рина**

**TO THE QUESTION OF RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE TURN OF XIX – XX CENTURIES (on the example of Siberia)
S. P. Baturin, T. V. Baturina**

В данной статье предпринята попытка рассмотреть причины роста сектантства в Сибири вследствие переселений из центральных губерний России протестантского населения. Раскрыты методы и формы борьбы Русской Православной Церкви с инославными конфессиями в Сибирском крае в период массовых крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв., показано процентное соотношение православного населения и лиц неправославного исповедания в Сибири в изучаемый период. Авторы обосновывают мысль о том, что связи, существовавшие между этничностью и конфессиональной принадлежностью, оказывали влияние на возникновение конфронтации между православным сибирским духовенством и верующими других конфессий. Особый интерес представляет вывод о том, что конфессиональный фактор играл особую роль в процессе становления этнической идентичности русских в Сибири. В статье на конкретных примерах показано, что в изучаемый период на практику правоприменения норм веротерпимости в Сибирском крае преимущественное влияние оказал политический фактор.

The paper attempts to examine the reasons for the growth of sectarianism in Siberia due to resettlement of Protestant population from the Central provinces of Russia. The research disclosed the methods and forms of the Russian Orthodox Church struggle against non-Orthodox confessions in Siberian during the mass peasant movement of the late 19th – early 20th centuries, the paper presents the percentage of Orthodox population and that of the followers of non-Orthodox confessions in Siberia during the studied period. The authors substantiate the idea that the relations that existed between ethnicity and religious affiliation influenced the emergence of the confrontation between the Siberian Orthodox clergy and believers of other faiths. Of particular interest is the conclusion that the religious factor had a special role in the process of formation of the ethnic identity of Russians in Siberia. The paper proves that in the studied period the practice of enforcing the norms of religious tolerance in Siberian was predominantly influenced by the political factor.

Ключевые слова: сектантство, Русская Православная Церковь, вероисповедная политика, переселенческая политика.

Keywords: sectarianism, Russian Orthodox Church, religious policies, resettlement policy.

Так называемая «внутренняя миссия» Русской православной церкви состояла в продвижении православия как официальной идеологии Российского государства в те регионы, где имелся значительный процент инословного населения. Благодаря этому, а

также переселению из центральных губерний России, господствующей религией в Сибири к началу изучаемого периода было православие, что видно из таблицы 1 [10, с. 136].

Таблица 1

**Распределение населения в Сибири по главным вероисповеданиям
(в % всех жителей) по данным переписи 1897 г.**

<i>Православные с единоверцами и старообрядцами</i>	<i>Като- лики</i>	<i>Протес- танты</i>	<i>Прочие христиане</i>	<i>Магоме- тане</i>	<i>Иудеи</i>	<i>Прочие нехристиане</i>
91,14	0,60	0,28	0,01	2,20	0,6	5,13

В целом по России процент православного населения составлял в это время 66,9. В Сибири же они составляли наибольший процент из ее географических частей – 91,14, а в Западной и того больше – 94,99 % [2, с. 138].

Существенное влияние на вероисповедный состав населения Сибирского края оказало переселенческое движение конца XIX – начала XX вв. Наряду с право-

славной колонизацией Сибири, происходила также ее колонизация протестантским населением, прибывшим из западных губерний Европейской России. Причем, если раньше «в течение двух с лишним столетий, в начале целыми партиями и селениями, а позднее семьями и одиночками власть царизма в разное время сослала в сибирские степи, леса и тундру много тысяч последователей религиозных сект...», то с середины

90-х гг. XIX в. тенденция изменилась – в гораздо большем количестве сектанты шли в Сибирь по собственной воле, причем большинство из них уходило от безземелья [7, с. 102].

Рост сибирского сектантства, особенно протестантизма, объяснялся рядом причин. Во-первых, не хватало православных церквей в местах заселения переселенцев. Так, в Томской губернии «переселенцы переполнили приходы, образовалось множество заселков, пастыри в иных местах не имели физической возможности управлять с их требами... переселенец не мог за десяток верст по сибирским морозам и буранам ехать за удовлетворением своих религиозных потребностей в приходские храмы, а, между тем, жизнь на местах с ее острою нуждою, всевозможными лишениями, с ее тоскою по родине порождала в душе переселенца усиление религиозного чувства, стремление его к Богу, и общественному богослужению. Тут и являлся на выручку баптизм... со своими молениями и пением чувственных сектантских стихов духовных» [17, с. 1083]. О том же писал священник Н. Голошубин относительно Омской епархии [6, с. 3].

Во-вторых, у светских и духовных властей не хватало средств не только для постройки новых, но и для должного содержания имевшихся православных храмов. По свидетельству статс-секретаря А. Н. Куломзина, побывавшего летом 1897 г. в Забайкалье, «бедность единоверческих церквей поразительна! Многие из них пришли в ветхость и требуют капитального ремонта, а денег в церковных ящиках этих церквей нет даже на покупку фунта свеч или ладана. Все они терпят недостаток в церковной одежде, утвари, книгах. В Бичуре, огромном раскольниковем селе, растянувшимся на двенадцать верст, стоит убогий деревянный храм; священные и богослужебные предметы этого храма, утварь, плащаница, лампады требуют исправления или полной замены, так, например, чаша неподходящего рисунка, переделанная вероятно из застольного кубка... Ввиду исключительно значения, придаваемого раскольниками обрядовой стороне религии, отсутствие должного благолепия в некоторых церквях, как, например, употребление при богослужении потира, имевшего ранее другое назначение, способно отвратить от церкви не одного раскольника...» [8, с. 177 – 178].

В-третьих, некоторых крестьян-переселенцев и старожилов отвращал от православной церкви сам процесс богослужения. Очень часто его отличительными чертами были: нечленораздельное бормотание псаломщиков, «гудение», «рыкание» и просто «рев» диаконов, «гнусавый фальцет» священников, непонятный церковнославянский язык. Поэтому службы в синодальной церкви казались крестьянам малодейственными, и они склонны были думать, что более истовое и внятное «богомолье» старообрядцев скорее дойдет до Бога и лучше поможет ему в его горькой доле.

Вопросы борьбы с сектантами стали предметом рассмотрения на миссионерских епархиальных съездах. Первый такой съезд в Томской епархии проходил в августе 1898 г. в г. Томске. Но и после съездов рост сект и старообрядчества продолжался. И тогда вновь обратили внимание на рядовое духовенство, рекомен-

довав во всех приходах образовывать приходские миссии. В церковных документах начала XX в. подчеркивается, что «надо все сделать, чтобы православное богослужение захватывало молящихся, а не томило их», священникам правильно проводить богослужение, ознакомить паству «с существующими лжеучениями и приемами их пропаганды» [16, с. 14 – 15]. В духовных семинариях вводился специальный курс по изучению истории и обличению сектантства.

Переселенческое движение привело к образованию в Томской епархии трех центров баптизма: Ново-Николаевск, поселок Васильчиков и станция Каинск. Каждый из них «повел дело пропаганды в своих окрестностях...». Так, Ново-Николаевский центр распространил баптизм на 14 населенных пунктов, Васильчиковский – на всю западную часть Кулундинской степи, где находилось более 200 заселков. Укрепился он и в новом административном и торговом центре степи – Славгороде. Крестьяне переселенческих поселков часто ездили в этот город «за получением пособия от переселенческих чиновников, за покупками предметов домашнего обихода на базар, за исправлением православных треб к православному священнику, с телесными болезнями в лечебницу...» [4, с. 3]. Словом, здесь перебивает вся степь переселенческая. Пользуясь большим стечением народа в Славгороде, баптисты открывали там постоянные дворы; на базарах, собравшись в кружок, под открытым небом читали проповеди. Так, в Славгороде проживал проповедник баптизма, немец Дик, который окончил курсы Гамбургской семинарии. Дик разъезжал с пропагандой баптизма по всему переселенческому району степи Кулундинской. Он даже насадил адвентизм в населенной исключительно старообрядцами – австрийцами деревне Безштанке [3, с. 3].

Помимо Славгорода крупными центрами баптизма в степи стали заселки: Эгенды (130 баптистов), Михайло-Архангельский (135), Херсонский (37), Бобылевка (13), Новая Полтава (20). Почти в 20 переселенческих поселках находилось по два дома баптистов, которые использовались как квартиры для проповедников. Многочисленные сектантские общины, расположенные вокруг базовой общины или центра, составляли большой или маленький сектантский район. Так, вся Сибирь, особенно Западная, была покрыта целой сетью сектантских районов. Проповедники сектантских общин систематически совершали разъезды по всему своему району: работали в качестве агентов по распространению машин Зингера или снимали кузницу в аренду, чтобы побольше общаться с местным населением. Результативность этой работы была достаточно высокой. Православный священник с возмущением писал о массовом крещении 21 человек в селе Камень Барнаульского уезда, для чего специально прибыл баптистский священник из Ново-Николаевска. Крещение совершалось прямо напротив переселенческого пункта. Крестьяне-переселенцы «внимательно смотрели на все происходившее, снявши шапки и с затаенным вниманием слушали баптистскую проповедь» [19, с. 94]. Нередко, под влиянием сектантов крестьяне, «ранее считавшиеся православными, выбрасывали из своих хат иконы» [17, с. 1083], а в поселке Эгенды перешедший в баптизм крестья-

нин имевшиеся у него иконы использовал в качестве закрышек: «одна большая, закрывала вход в подполье, и следовательно, попиралась ногами; другая служила заслонкой печи» [17, с. 1095].

Царский Манифест от 17 апреля 1905 г. объявил принцип веротерпимости, узаконил свободу перехода из православия в другие христианские исповедания, предоставил легальные права для существования сектантских организаций, кроме «изуверных» (скопцов и хлыстов), и признал за сектантским клиром звание священнослужителей. Это был формальный отказ от прежнего положения, известного как «догмат Победоносцева»: «Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь, исключительно покровительствует и поддерживает к предосуждению всех остальных церквей и исповеданий, вплоть до приравнения отпадения от православия к уголовному преступлению» [11, с. 429]. В разгар революции 1905 – 1907 гг. в царский Манифест от 17 октября 1905 г. была включена ненавистная для синодальной церкви формула – «свобода совести». Руководителям церкви хотелось верить, что это только декларации, которые не пройдут в жизнь. Однако сектанты не склонны были отказываться от легализации своей деятельности и от всех тех выгод, какие с ней были связаны.

После 1905 г. заметно активизировались их организации. Конференция Союза русских баптистов (1907 г.) высказалась за усиление своей пропаганды в Сибирских епархиях [19, с. 94]. О темпах роста про-

тестантизма в Сибири свидетельствуют следующие данные: в 1895 – 1900 гг. протестантов насчитывалось 4 тыс. человек, в 1905 – 1908 гг. – 7,5 тыс., в 1910 – 1912 гг. – 10 тыс., в 1917 – 1918 гг. – до 13 тыс. человек [15, с. 12].

Молокане и мормоны на религиозную жизнь Сибирских епархий почти не влияли. В их среде не наблюдалось приверженности к определенной религиозной доктрине, был замечен упадок нравственности и наклонность к безбожию. По свидетельству сибирского духовенства, вред православию они приносили тем, что своими грубыми выходками против всего святого работали на понижение их религиозного чувства, «забрасывали в них семена безбожия». Крестьяне, близко жившие от молоканских центров, по свидетельству духовенства, индифферентны к вере, презрительно настроены к своим пастырям. Хотя количество молокан благодаря переселениям росло, новых центров их поселения не возникало, поскольку при выборе места жительства они руководствовались не вопросами веры, а материальными интересами (содержали мельницы, лавки по селам).

Среди переселенцев было много выходцев из национальных окраин, лиц нерусских национальностей, которые несли с собой самые различные религиозные взгляды. Рассмотрим их состав по вероисповеданиям. В приведенной таблице 2 на примере Томской губернии представлены сведения о числе водворенных переселенцев неправославного вероисповедания к 1 января 1911 г. (подсчитано по [5].

Таблица 2

Распределение водворенных переселенцев неправославного вероисповедания Томской губернии к 1 января 1911 г.

<i>Название уезда</i>	<i>Национальность</i>	<i>Вероисповедание</i>	<i>Число</i>	
			<i>семей</i>	<i>душ</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Каинский	Эстонцы	Лютеране	120	506
	Поляки	Католики	268	997
	Литовцы	Католики	19	130
	Латыши	Лютеране	26	135
	Латыши	Католики	101	553
	Русские	Католики	18	44
	Немцы	Католики	633	1155
	Немцы	Лютеране	67	197
		Всего	1233	4417
Томский	Немцы	Баптисты	18	102
	Немцы	Лютеране	112	606
	Русские	Баптисты	1	7
	Русские	Молокане	4	33
	Русские	Штундисты	1	7
	Русские	Старообрядцы	1172	3481
	Эстонцы	Лютеране	717	1932
	Латыши	Лютеране	63	184
	Поляки	Католики	1203	1172
	Латыши	Католики	194	529
	Малороссы	Католики	21	62
	Татары	Магометане	218	532
	Литовцы	Католики	149	377
	Белорусы	Католики	175	476

Продолжение таблицы 2

	Финны	Лютеране	1	1
		Всего	4099	10107
Мариинский	Поляки	Лютеране	2	14
	Поляки	Католики	596	2226
	Латыши	Католики	618	3198
	Эстонцы	Лютеране	114	533
	Татары	Магометане	46	164
	Чуваши	Язычники	6	28
	Белорусы	Католики	29	165
	Белорусы	Раскольники	13	72
	Литовцы	Католики	23	106
	Русские	Католики	36	275
	Русские	Старообрядцы	51	286
	Мордвины	Молокане	9	58
		Всего	1563	7125
Барнаульский	Евреи	Иудеи	1	3
	Поляки	Католики	32	209
	Немцы	Лютеране	623	2107
	Немцы	Католики	75	399
	Немцы	Менониты	982	6083
	Русские	Баптисты	31	98
	Русские	Молокане	60	473
	Русские	Старообрядцы	282	1543
	Эстонцы	Лютеране	8	199
		Всего	2177	11114
Змеиногорский	Эстонцы	Лютеране	1	3
	Русские	Молокане	11	44
	Русские	Старообрядцы	51	225
	Киргизы	Магометане	1085	3191
	Татары	Магометане	142	446
	Немцы	Лютеране	353	2164
	Немцы	Католики	207	611
	Великороссы	Молокане	3	33
		Всего	1867	6717

Итого по губернии переселенцев неправославного вероисповедания к 1 января 1911 г. насчитывалось 10389 семей, что составило 39480 душ.

Соотношение православных и неправославных в Томской губернии видно из следующих данных (таблица 3) (подсчитано по [5, с. 30]).

Таблица 3

Конфессиональная принадлежность водворившихся переселенцев Томской губернии к 1 января 1911 г.

<i>Вероисповедание</i>	<i>Число душ обоего пола</i>
Православные и единоверцы	3399343
Старообрядцы и уклонившиеся от православия	140000
Римско-католики	39000
Лютеране	21000
Иудеи	16055
Магометане	33799
Буддисты, ламаисты и конфуциане	450
Остальные нехристианские вероисповедания	24000
Остальные христианские вероисповедания	100
Всего	3673746

Переселенцы неправославного вероисповедания составляли заметную часть населения, а именно – 7,5 %. На втором месте по численности после православных стоят старообрядцы (3,8 % от общего коли-

чества), на третьем – католики (1,6 %), за ними – магометане и лютеране.

Если присоединить старообрядцев к одной группе с православными (как это делал центральный Статистический Комитет в своих изданиях), то число пра-

вославных вместе со старообрядцами в Сибири достигло к январю 1911 г. 8577103 человек, что составляло 91,6 %. Число католиков, вследствие переселения из Европейской России значительного количества белорусов, литовцев и поляков, исповедовавших эту религию, несколько увеличилось. Оно составляло 89973 человек в 1911 г. (по сравнению с 1897 г. – 35151 человек). Наибольшее число переселенцев-католиков сосредотачивались в Томской, Енисейской, Тобольской губерниях и в Акмолинской области. Зарегистрированы в Сибири и протестанты. По переписи 1897 г. их число составляло 23973 человека. А вследствие переселения латышей, эстонцев, финнов, немцев, число их к 1911 г. достигает в Сибири 57676 человек. Наибольшее число лютеран сосредотачивалось в Акмолинской области и в Томской, Енисейской, Тобольской губерниях.

Будучи официальной государственной церковью в стране, православная церковь оказалась не готова к диалогу с другими религиями в условиях «веротерпимости», а представители гражданской власти зачастую «не знали рамок закона, что можно, а чего нельзя допускать сектантам» [19, с. 94].

В 1908 г. Синод издал новые правила для устройства внутренней миссии, которые значительно отличались от правил 1888 г. Новые правила делали упор на «увещательные беседы», на которых рекомендовалось обличать сектантские учения. Особое внимание обращалось на организацию миссионерских школ, церковных хоров, различных форм индивидуального воздействия, на отпавших от православия. Впервые был поставлен вопрос об учете сектантов по епархиям и основательного изучения сект. Православная церковь обратилась с призывом противопоставить сектантским проповедникам «такой же кадр проповедников из среды самого православного народа; лица, горящие жаждою ко святому делу заступника церкви от сектантских нападений, есть и в самом незначительном заселке» [17, с. 1083].

И этот страстный призыв духовных властей был услышан в Сибирских епархиях. Борьба с сектантством значительно активизировалась и проходила в различных формах. Так, в двенадцати наиболее бедных и удаленных от приходских храмов переселенческих поселках Омской епархии в целях борьбы с сектантством вместо учреждения разъездных причтов (как было запланировано и доложено Синоду в 1908 г.). Омский строительный комитет открыл самостоятельные приходы с причтом из священника и псаломщика [6, с. 4].

Новой формой борьбы с сектантством стало привлечение к ней женщин. Если раньше миссионерское дело считалось им недоступным, то к концу изучаемого периода взгляды на этот предмет изменились. Аргументируя новую точку зрения на этот вопрос, епархиальное начальство раскрывало роль женщины в распространении раскола, в деятельности сект. «Вспомните всех этих богородиц и пророчиц в мистических сектах, посмотрите, кто в расколе ненавидит миссионеров. Это женщина, принимающая истины веры больше сердцем, чем умом, хранящая обряды, обычаи более по традиции, по привычке, чем по соображениям разума» [13, с. 13].

В программы епархиальных женских училищ было предложено ввести специальные предметы по расколу и сектантству, чтобы воспитанницы, наравне с учительницами, могли бы оказать помощь православной миссии «в распространении и ограждении православной веры и вразумлению заблудших». Отмечалась особая роль жены приходского священника, которая могла бы поддержать его начинания в борьбе с расколо-сектантством. Подчеркивалось, что женщинам нет необходимости изучать историю и полемику этих предметов в полном объеме и деталях. Признавались достаточными самые общие, самые необходимые знания, «соответствующие духовным силам и развитию воспитанниц». Ведь их миссионерская деятельность должна была осуществляться не с кафедры и не в официальном звании миссионеров, а в житейском кругу простых бесед при случайных встречах, «языком сердца», без больших научных доказательств, требующих интеллектуального развития. К трехсотлетию юбилею царствования дома Романовых решено даже было устроить богословский институт для женщин. Духовное ведомство полагало, «что на Руси должна появиться богословски просвещенная женщина», которая могла бы преподавать закон Божий в школах. Предполагалось, что область религиозного научного знания отныне может быть доступной женщине [12, с. 281].

Весьма распространенной формой борьбы со старообрядчеством стали дискуссии и беседы, которые проводили состоявшие при епархиях противораскольничьи миссионеры, с проповедниками старообрядцев. Так, Томский епархиальный миссионер А. Ковлейский за шесть месяцев 1913 г. провел четыре дискуссии в селе Маслянинском, в старообрядческом селе Залесовском [21, с. 2 – 4]. В деревне Таскиной Сагайского уезда Минусинской волости в торжественной обстановке проходила дискуссия между православным миссионером И. Орфеевым и старообрядческим проповедником П. Смирновым. На этой дискуссии, кроме миссионера, присутствовали благочинный и еще пять священников. Ее темами стали: «Во-первых, православное учение о неодоленности и непоколебимости церкви Христовой; во-вторых, вопрос о незаконности существования общества старообрядцев-беспоповцев...». Беседа закончилась пением молитвы «Достоинство есть» [9, с. 583 – 596]. Простые крестьяне не понимали православных догматов, часто не видели разницы между православием и расколом. Так, после одной из бесед православного миссионера с проповедником старообрядцев один крестьянин со вздохом сказал: «И тот говорит складно, и наш ладно, оба не уступают и оба от Божьего слова, – как тут разберешься?» [18, с. 912].

Новой формой борьбы с сектантством стала деятельность народно-миссионерских курсов по подготовке противосектантских миссионеров. Семь таких курсов было проведено только в Томской епархии. Опыт их работы получил одобрение Синода, и в 1913 г. с его помощью были организованы аналогичные курсы для духовенства Омской и Тобольской епархий. От каждого благочиния каждой из епархий на курсы направлялось по два человека. В Омске слушателями курсов стали 325 человек. К проведе-

нию занятий были привлечены крупные силы: синодальный проповедник, протоиерей И. Восторгов, профессор Казанской духовной академии М. Васильевский, Томский миссионер А. Ковлейский. Из Москвы было прислано «сто пудов противосектантской литературы». Именитые лекторы проводили занятия по следующей программе: читались лекции по истории сектантства и по работе приходской миссии (36 лекций); по истории и обличению раскола (30 лекций); по обличению сектантства (65 лекций).

Прошедшие курсы священники-миссионеры занялись организацией миссионерских кружков при своих приходах. Члены этих кружков снабжались необходимой церковной литературой, миссионерскими пособиями. Так, календарей «Друг христианина» 1912 г. было распространено 200 экземпляров [20, с. 756]. Однако деятельность кружков в приходах требовала дополнительных средств, которых не было. Поэтому основным орудием борьбы с сектантством епархиальное начальство считало приходских священников, чаще всего не имеющих навыков миссионерской деятельности. Они были обязаны:

- 1) проводить миссионерские профилактические беседы с православными крестьянами;
- 2) постепенно создавать в епархиальных приходах приходскую миссию из прихожан-добровольцев;
- 3) устраивать в приходах, уже «зараженных сектантством», народно-миссионерские курсы.

И такие курсы в ряде мест были организованы. Преподавание на них должно было носить «концентрический» характер. Первый «концерн» включал в себя краткие сведения о книгах Нового Завета, новозаветном каноне и обоснование важнейших библейских истин православия – спасение возможно только через Христа в его Святой Церкви; истинная христианская церковь одна; религиозные общины, отделившиеся от Церкви, ложно присваивают себе наименование «Церковь Христова» и др. В помощь священникам создавались так называемые «Руководства» с подробной разработкой занятий, которые избавляли пастырей от траты времени и сил для подготовки, «занятия можно было проводить прямо с книги». Отдельные приходы обзаводились специальными помещениями для занятий с паствой. Кое-где даже проводилось электричество, была организована продажа листов и брошюр миссионерского содержания. Епархиальное начальство, повсеместно отмечая пользу таких курсов, стало говорить об ослаблении сектантства в тех приходах, где они работали.

Духовенство сибирских епархий стремилось расширить направленность миссионерской деятельности: «Мы только и делаем, – говорили они, – что критикуем сектантство, да доказываем истину православия. К другим мерам не прибегаем, этим только не остановить рост сектантства» [20, с. 756]. Служители церкви стали призывать священство взять на вооружение те средства, которые давно и весьма успешно использовали сектанты и старообрядцы – пропаганду трезвого и трудолюбивого образа жизни. В октябре 1913 г. архиепископ Томский и Алтайский Макарий издал указ об устройстве епархиального Братства Трезвости [19, с. 767].

Рост и распространение сектантства к концу изучаемого периода привели к тому, что на помощь православной церкви пришли светские власти царской России. В 1916 г. министр внутренних дел обратился к губернаторам, начальникам областей и градоначальникам с особым циркуляром, в котором предложил представителям власти «принять все зависящие от них меры к предотвращению вредных для государственного порядка и общественного спокойствия проявлений занятии сектантских организаций и отдельных их представителей». Министр указал в циркуляре на вредную антигосударственную деятельность как нелегальных, так и многих зарегистрированных вероисповедных общин. Деятельность нелегальных религиозных организаций предложено было немедленно прекратить, виновных же лиц привлечь к уголовной ответственности по ст. 124 Уголовного Уложения. За зарегистрированными сектами и вероисповедными общинами устанавливается строгий контроль. При нарушении этими организациями закона предлагалось закрывать их в установленном законом порядке. Отмечалось, что на публичных молитвенных собраниях сектантов нарушались допустимые пределы проповеди, давалось тенденциозное освещение государственной вероисповедной политики и общего состояния страны. Рекомендовалось установить за такими собраниями жесткий контроль, а выступления сектантских проповедников рассматривать как публичные политические речи, произнесенные без соблюдения Временных Правил о собраниях от 4 марта 1906 г. К циркуляру был приложен список русских подданных, прошедших специальную подготовку в Гамбургской баптистской семинарии для работы в России в 1913 г. Всех этих лиц (18 человек), «думающих, чувствующих и говорящих по-немецки», было предложено не утверждать в должности начальников сектантских общин [12, с. 21].

Таким образом, причинами быстрого распространения сект в Сибири на рубеже XIX – XX вв. были:

1. На протяжении XVII – XIX вв. царское строительство рассматривало Сибирь как место ссылки религиозных противников официальной церкви.
2. Усиление переселенческого движения в Сибири в изучаемый период. Среди переселенцев много было сектантов, которые шли в Сибирь по своей воле. Их руководство, спекулируя на трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, усиленно распространяло среди них свою идеологию.
3. Политика активного переселения царским правительством крестьянства в Сибирь приводила к разорению масс. На 1 января 1909 г. только в Томской губернии насчитывалось неустроенными 250 тыс. душ мужского пола из числа переселенцев.
4. Удар, нанесенный революцией 1905 г. самодержавию, больно поразил и церковь. Отменялось привилегированное положение православия. Манифест 17 октября объявил веротерпимость, узаконил свободу перехода от православия в другие христианские вероисповедания, предоставил легальные права для существования старообрядческих и сектантских организаций, признал за старообрядческим и сектантским миром звание священнослужителей.

Как видим, к концу исследуемого периода внутренней миссия Русской православной церкви в Сибири дала лишь некоторые внешние результаты – наблюдался незначительный рост единоверия среди крестьянства и то лишь в местах наиболее интенсив-

ной миссионерской деятельности. Вместе с тем все попытки остановить рост сектантства и старообрядчества даже с помощью государственной власти успехом не увенчались.

Литература

1. 15. Азиатская Россия. СПб., 1914.
2. Батурина Т. В. Русская Православная Церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.
3. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176.
4. ГАОО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3732. Л. 1 – 2.
5. ГАОО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 89. Л. 30 – 31.
6. Голошубин И. Описание Омской епархии. Омск. 1915.
7. Долотов А. Сектантство в Сибири // Критика религиозного сектантства. М., 1974.
8. Енисейские епархиальные ведомости. 1898. № 7.
9. Енисейские епархиальные ведомости. 1901. № 2 – 3.
10. Золотарев А. М. Вероисповедный состав населения России // Русский вестник. 1902. № 5. Т. 279.
11. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983.
12. Омские епархиальные ведомости. 1914. № 3.
13. Омские епархиальные ведомости. 1916. № 24.
14. Омские епархиальные ведомости. 1916. № 44.
15. Костенко Н. А. Протестантские секты в Сибири. Новосибирск, 1967.
16. Томские епархиальные ведомости. 1899. № 8.
17. Томские епархиальные ведомости. 1912. № 20.
18. Томские епархиальные ведомости. 1913. № 1.
19. Томские епархиальные ведомости. 1913. № 14.
20. Томские епархиальные ведомости. 1914. № 3.
21. Томские епархиальные ведомости. 1914. № 6.

Информация об авторах:

Батурин Сергей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Кемерово, spbat53@mail.ru.

Sergey P. Baturin – Candidate of History, Assistant professor at the Department for the Humanities, Kemerovo Institute (branch) of G. V. Plekhanov Russian University of Economics.

Батурина Тамара Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университета), г. Кемерово, spbat53@mail.ru.

Tamara V. Baturina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Politology, Kemerovo Institute of Food Science and Technology.

Статья поступила в редколлегию 16.09.2015 г.